

АБСОЛЮТНОЕ
ОРУЖИЕ

ВАСИЛИЙ ГОЛОВАЧЁВ

ВРАГИ БОЛЬШОГО ЛЕСА

Абсолютное оружие

Василий Головачев

Враги большого леса

«ЭКСМО»

2020

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Головачев В. В.

Враги большого леса / В. В. Головачев — «Эксмо»,
2020 — (Абсолютное оружие)

ISBN 978-5-04-112752-7

Группа военных и археологов застряла в незнакомом мире. Мире, где кажется, что нет ничего, кроме леса, покрывающего собой целую планету. Наши герои начинают потихоньку привыкать к новым и крайне непривычным обстоятельствам. Но у этого леса есть свои законы и даже некая загадочная форма разума. Вскоре становится понятно, что для того, чтобы выжить и выбраться из этого мира, Максиму Реброву с товарищами придётся противостоять врагам большого леса. Удастся ли героям победить в войне с неведомым противником? Или большой лес станет их вечным пристанищем?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-112752-7

© Головачев В. В., 2020
© Эксмо, 2020

Содержание

Глава 1. Утро вечера мудренее?	6
Глава 2. Дайте им всё	12
Глава 3. Метаконтакт	17
Глава 4. Российская аномальщина	24
Глава 5. Шмели и бабочки	32
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Василий Головачев

Враги большого леса

© Головачёв В.В., 2020

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Глава 1. Утро вечера мудренее?

Бежать было бы приятно, если бы не одно важное обстоятельство: это были не легкоатлетические соревнования и не утренняя пробежка по парку – за ним гнались! Причём гнались не люди, кем бы они ни были, а монстры, облик которых долгое время был неясен, так как Сергей Макарович, оглядываясь, видел изредка то чёрную голову, то полыхающие огнём глаза, то светящиеся клыки, то коленчатые волосатые лапы. И бежал он не по знакомому земному лесу, не по тайге или джунглям, а по колоссальных масштабов Лесу с большой буквы, населением которого были гигантские деревья наподобие американских секвой и фикусов, диаметр стволов которых достигал полусотни метров, а высота – не менее ста пятидесяти.

Подлеска в лесу, свойственного всем лесам Земли, не было. То есть заросли деревьев вдвое-втрое ниже секвой присутствовали, но сравнить их с лесными дебрями тайги, африканского буша или сельвы было нельзя. Никаких завалов, упавших и гниющих деревьев беглец не встретил, лишь редкие стены кустарника, тростника и камыша попались на пути, да трава по пояс. Но именно эта реальность и мешала ему оторваться от погони и спрятаться в чаще: бежать легко было не только ему, но и преследователям.

Оглянувшись в очередной раз, он понял, что за ним гонятся жуткие трёхметрового роста создания, напоминающие пауков с почти человеческими головами! Наддал, понимая, что, если не спрячется или не найдёт оружие – погибнет!

Внезапно светлый, пронизанный солнцем и чистой исполинский лес кончился, и Сергей Макарович выбежал к болоту, за поясом которого начинался другой лес – сплошной чёрно-буро-красный бурелом. Он простирался в обе стороны на десятки километров, перекинув через болотные протоки и мхи угрюмые побеги лиан, и веяло от него невероятной нечеловеческой злобой, вызывающей в душе мутный ужас.

Несколько мгновений Сергей Макарович рассматривал препятствие, прикидывая, сможет ли он пересечь болото и стоит ли туда соваться, но из колючих шипастых зарослей на той стороне болота появились такие же псевдопауки, что и догонявшие его. Рука потянулась к поясу, опускаясь на рукоять пистолета.

Вернулась способность оценивать противника и твёрдость духа. Ну хорошо, твари! Подходите ближе! Я просто так не дамся!

Пауки бросились через болото!

Он выстрелил: раз, другой, третий... и проснулся в постели, мокрый от пота, разгорячённый, будто и в самом деле спасался бегством. Но звуки выстрелов не прекращались, превратились в автоматные очереди, пока Сергей Макарович не прислушался и не понял, что звуки доносятся со двора и представляют собой раскаты двигателя мотоцикла, не имеющего глушителя.

Сел на кровати, покосившись на соседнюю подушку. Жены дома не было: она в это воскресенье ночевала у дочери, готовящейся к родам, и Савельев спал один.

Бросил взгляд на часы: половина восьмого, а за окном темно. Конец октября, рассвет наступает поздно. Странно, что никто не звонит, не беспокоит, будто перед каким-то форс-мажором. Или он просто свыкся с ожиданием плохих новостей? Ровно месяц назад всё началось именно с раннего звонка адъютанта начальника 4-го Управления. Потом был Баир, бросок группы Маугли, исчезновение группы, сердечный приступ...

Может быть, на этот раз пронесёт? Всё, что знал и обо всём, что делал, уже доложено командованию. Экспедиция возвращена, хотя и не в полном составе. Его вины в том, что произошло в Баире, нет. И всё же, почему опять ноет сердце? И почему снятся такие неприятные, если не сказать жёстче, сны? Второй за последние три дня...

Зазвонил мобильный.

Сергей Макарович вздрогнул, отгоняя пальцем нечистого: чур меня, чур! Взял с прикроватной тумбочки кодовый смарт.

– Слушаю, Савельев.

Чугунный голос начальника 4-го Управления заставил его невольно расправить плечи.

– Сергей Макарович, это Скорь.

– Понял, Геннадий Дмитриевич.

– Не разбудил?

– Н-нет, – сказал правду полковник.

– Как настроение?

– Рабочее, товарищ генерал.

– Это хорошо, что рабочее. В десять нас ждёт у себя Виктор Дмитриевич. – Скорь имел в виду директора ГРУ.

– Готов прибыть в любой момент.

В голове пронеслось: всё же сон в руку! Неприятности ещё впереди.

– В любой не надо, нас ждут в десять. – Генерал помолчал. – А после встречи с директором, в двенадцать, нас всех ждёт президент.

Сергей Макарович втянул в лёгкие воздух, медленно выдохнул.

– Я думал... обойдётся...

– В связи с чем я прошу тебя взять с собой Егора.

Речь шла о физике Карапетяне, приятеле Савельева, с которым они летали в Баир выручать пропавших членов археологически-ботанической экспедиции и бойцов группы Маугли – майора Максима Реброва.

– Он и так расстроен, – усмехнулся Сергей Макарович.

– Никто не собирается обвинять его в каких-то прегрешениях. Но президент наверняка потребует компетентных объяснений, и лучше Карапетяна никто не сможет внятно растолковать ему тонкости М-теории.

– Я понял.

– В таком случае жду. – Скорь дал отбой.

Сергей Макарович покрутил в руках мобильный, встал, сделал несколько махов руками, отдавая дань воспоминаниям о полноценной зарядке, потом набрал номер Карапетяна:

– Не спишь?

– Работаю, – взял трубку физик; в его суховатом голосе послышалась нотка вины.

– Работаешь? Спозаранку?

– Считаю параметры иномериян, которые могут возникнуть при столкновениях бран с разными константами и другим количеством измерений.

– Не ложился вообще, что ли?

– Нет, поспал немного.

– Собирайся, я заеду за тобой минут через сорок.

– Что значит заеду?

– Нас вызывает главный. В десять мы у него, потом в двенадцать у президента.

Голос Егора Леоновича стал тонким:

– У президента? Шутишь? Мы поедем к президенту?!

– Так что готовься ответить на его вопросы.

– Но я же сорок раз объяснял твоему начальству...

– Он хочет разобраться лично, приведи себя в порядок. – Сергей Макарович выключил канал.

Сборы не потребовали много времени. Он даже успел хлебнуть кофе и съесть ложку творога с мёдом – свой любимый быстрый завтрак. Через пятнадцать минут «Вольво XC-90» Савельева покинул стоянку напротив дома.

Конец октября в Москве выдался дождливым и рекордно тёплым, что напоминало погоду в африканском Баире, где в октябре начался сезон дождей. Температура воздуха там, конечно, держалась даже по ночам тропическая – до плюс двадцати пяти (ниже экватора на материке в октябре начиналось лето), в отличие от десятиградусной московской, но сходство было разительное.

Пока ехал к приятелю, жившему на улице Виноградова, вспоминал, с чего начиналась эпопея с Баиром.

В конце сентября в Баир, граничащий с республикой Конго, в район срединного течения реки Чуапы, была послана комплексная экспедиция ЮНЕСКО: для изучения найденных древних развалин и автохтонного леса – проще говоря джунглей, ещё не нарушенных дыханием человеческой цивилизации.

Через неделю на лагерь экспедиции напала банда СОА, так называемого Союза освобождения Африки, поддерживаемого американскими спецслужбами, и взяла в плен всех членов экспедиции.

На беду в составе отряда были и российские специалисты: археолог, доктор исторических наук, профессор Малкин Вениамин Витальевич; его коллега Мария Ивановна Колесниченко; ботаник, совсем молодой человек, аспирант МГУ Константин Ливеровский и помощница Малкина, двадцатипятилетняя Вероника Соловьёва, которая оказалась племянницей президента России. Из-за этого и разгорелся сыр-бор, в результате которого было решено для освобождения соотечественников задействовать диверсионно-разведывательную группу (ДРГ) Сил специального назначения ГРУ¹. Командовал бригадой ССН полковник Савельев, он же и посылал группу майора Реброва, специалиста по Африке, в Баир, заданием которого и было вызволение россиян, в частности Вероники Соловьёвой.

Закончилась эпопея тем, что посланцы ГРУ, загримированные под «мирную делегацию Египетского научного центра и Российского географического общества», обнаружили в районе Чуапы иномериану (название придумал взятый консультантом Карапетян) – тоннель между вселенными (бранами, если пользоваться термином теории суперструн). В этот тоннель удалось запустить беспилотники, записи видеокамер которых позволили обнаружить пропавших членов экспедиции ЮНЕСКО. В иномериану послали вертолёт Ми-8 с группой под командованием Савельева, который вернулся обратно в мир Земли, неся в своём чреве спасённых археологов.

Посадка получилась экстремальной: у Ми-8 отказали двигатели, и он рухнул на берег реки с высоты ста пятидесяти метров. К счастью, обошлось без жертв, никто не погиб, хотя травмы получили почти все пассажиры, но, как оказалось, вернулись из путешествия в иной мир не все похищенные. Остались бойцы группы Реброва (по сути вся группа), а также два российских специалиста: ботаник Константин Ливеровский и археолог Вероника Соловьёва, из-за которой, собственно, и начиналась операция с развёртыванием в Баире группы спецназа ГРУ.

К сожалению, повторить поход в иную вселенную-брану не удалось: тоннель между мирами захлопнулся. Поиски иномерианы ни к чему не привели, тем более что пришлось спешно сворачивать экспедицию из-за вспыхнувшей в Баире межплеменной войны. Разбитый вертолёт пришлось бросить в джунглях, сняв с него всё ценное технологическое оборудование, а «мирную делегацию» эвакуировать в Конго, откуда она перебралась в Европу (иностранцы учёные) и в Россию.

Всех участников экспедиции трижды выслушали: глава ГРУ, министр обороны России и директор ФСБ. И вот теперь главного оперативника ССН вызывал к себе президент.

¹ ГРУ – Главное разведывательное управление Генерального штаба Министерства обороны России.

Карапетян ждал приятеля, одетый по этому случаю в строгий тёмно-серый костюм. Галстук завязывать он не умел – узел получился косой, и Сергей Макарович поправил физику узел, хотя сам не стал одеваться торжественно. Удавки, как называл галстуки отец, он носить не любил и под костюм надел белого цвета тонкий джемпер.

Перекинулись парой слов, сели в машину.

Москва по утрам воскресений хотя и не выглядела пустой, но была далека от пробочных рабочих состояний и до «стекляшки», как называли меж собой главное здание комплекса ГРУ на улице Гризадубовой сотрудницы, «Вольво» доехала без задержек. Ровно в десять вызванные генералом мужчины вошли в его кабинет, по которому витали запахи кофе и почему-то имбиря.

Скорь выглядел, как всегда, гранитной глыбой, увенчанной глыбой поменьше – головой, поросшей серебристым пухом. Поздоровался, для чего он даже вышел из-за стола (Сергей Макарович счёл этот жест недобрый предзнаменованием), и указал гостям на стулья.

– Садитесь, товарищи.

Гости сели.

Генерал обошёл свой монументальный, дубовый, сохранившийся со времён СССР стол, по легенде принадлежавший ещё первому директору ГРУ и переживший множество владельцев.

– Вы правы, все результаты наших оперативных мероприятий проанализированы, и нет смысла обсуждать их ещё раз. Вы готовы к рандеву с президентом?

Карапетян покосился на невозмутимого Савельева.

– Готовы, – сказал тот ровным голосом.

Скорь перевёл взгляд на Карапетяна.

– Ничего добавить не хотите, Егор Левонович? У вас было три дня на исследование материала, полученного от датчиков на борту вертолёта.

Лицо физика стало виноватым.

– С материалом ещё разбираться и разбираться, товарищ генерал. К счастью, все датчики успели зарегистрировать параметры среды на той стороне, и понадобится не один день, чтобы проанализировать данные и сделать определённые выводы. Я работаю над этим. Хорошо бы подключить к проблеме специалистов по космологии, теории элементарных частиц и физике времени. Есть определённые намёки на то, что время по ту сторону иномерианы течёт иначе, нежели в нашей вселенной.

Сергей Макарович с любопытством посмотрел на приятеля.

– Ты мне этого не говорил.

– Готовлю обоснование, – смутился Карапетян.

– Хорошо, обсудим этот вопрос чуть позже, – пообещал Скорь. – Если у вас ничего не прояснилось, то я введу вас в положение дел. Участники экспедиции ЮНЕСКО наговорили столько, что в Баир кинулись американцы. Им страстно захотелось попасть в потусторонний мир. – Каменные губы генерала вылепили полуулыбку. – По нашим данным, ничего они не нашли, ваша иномериана действительно исчезла. Как вы думаете, она была там одна? Может быть, остались и другие?

– Не знаю, – огорчённо признался Карапетян. – Но даже если они и остались, в чём я сомневаюсь, найти их будет невероятно трудно, если вообще возможно.

– На чём основаны ваши сомнения?

– На эффекте отскока.

– Поясните.

– Столкновение двух физических тел, равных по массе, сопровождается разлётом.

– И разрушением.

– Не всегда, к тому же браны – не просто физические объекты, это сложнейшие *системы* объектов. Тем не менее закон отдачи работает и в случае их столкновения. Они разлетятся рано или поздно, и связывающие их нити...

– Иномерианы?

– «Червоточины», кротовые норы, тоннели – как их только не называли – в конце концов разорвутся.

– Значит, в Баире их можно не искать?

Карапетян в замешательстве пощипал седоватые усы.

– Скорее всего, нет. Но вообще-то искать всё равно надо.

– Где?

– По всему миру, в том числе в России. Браны могут сталкиваться часто, и в местах их взаимодействия могут образовываться тоннели перехода. В связи с чем я хотел бы попросить дать мне допуск к материалам Комиссии ФСБ по аномальным явлениям. Думаю, у нас есть шанс обнаружить и другие иномерианы...

– И найти наших ребят, – закончил Сергей Макарович.

Скорь пожевал губами, разглядывая его лицо.

– Само собой. Это теперь ваша основная задача, полковник. Что ж, идёмте к главному, доложите ему, что и мне.

Директор ГРУ ждал своих подчинённых и гостя из Курчатовского института в своём ультратехнологичном кабинете, углубившись в изучение каких-то текстов на экране компьютера. На столе стояла чашка кофе, распространяя запахи по всему кабинету.

– Проходите, я сейчас закончу, – сказал он, когда дверь кабинета приоткрыл Скорь.

Было воскресенье, двадцать седьмого октября, и адъютант-секретарь генерала отсутствовал, Костюк хозяйничал один.

Наконец, он оторвался от своих занятий, выключил компьютер, оглядел ждущие лица гостей.

– Кофе не предлагаю, извините. Готовы к аудиенции?

Скорь косо посмотрел на спутников.

– Готовы, Виктор Дмитриевич.

– Прошу вас, изложите своё видение ситуации. Что мы имеем?

Начальник 4-го Управления скупко известил директора о тонкостях научного подхода к проблеме и чуть шире – о принятых мерах по её решению.

– Значит, вы надеетесь найти этот портал в другую вселенную не в Баире? – посмотрел Костюк на ёрзавшего на стуле Карапетяна.

Егор Леонович кивнул, чувствуя себя не в своей тарелке.

– Вероятность мала, но она не нулевая.

– И всё же, насколько она велика?

– Если взять за основу описанные СМИ происшествия... то не меньше двух-трёх процентов.

– Не меньше, – усмехнулся Костюк. – Это ничто по сравнению с реальным положением дел. Вряд ли материалы Комиссии федералов увеличат эту цифру.

– У нас тоже есть база данных по аномальщине, – сказал Скорь. – А если поднять материалы Минобороны в целом...

– Не уверен, что это даст нам основание для дальнейшей работы в этом направлении. Но к президенту идти всё равно придётся, как придётся и объяснять ему причины провала.

– Я не считаю действия наших бойцов и специалистов провалом, – боднул воздух утёсом лба Скорь.

– Главное, как на это посмотрит президент, – отрезал Костюк уже отнюдь не мягким, интеллигентным голосом. Мы не освободили его родственницу, и в этом большая доля вины наших специалистов.

– Это моя вина, – угрюмо сказал Сергей Макарович, вспоминая, что ему говорил оставшийся в «потустороннем» мире Максим Ребров. Он до сих пор ругал себя, что не уговорил майора переправить на борт вертолёт Веронику Соловьёву.

– Это наша общая вина, – сказал Скорь. – Но мы готовы работать и дальше...

– Где Плащинин? – перебил Скоря директор.

– На подходе, – после паузы ответил генерал, проглотив недоброе слово.

В дверь постучали. Вошёл начальник информационного управления ГРУ, держа в руках красного цвета папку.

Выглядел он вполне адекватно ситуации: одетый в модный фиолетовый кауфман с зеленоватым отливом, внимательный и собранный, лишь в карих глазах молодого тридцатитрёх-летнего генерала тлело едва видимое чувство сожаления.

– Разрешите, товарищ генерал-полковник?

– Присоединяйтесь, Виктор Викторович, – сказал Костюк, кинув взгляд на костюм генерала. – Мы обсуждаем, что будем предлагать президенту.

Плащинин развернул папку, положил на стол главы ГРУ.

– Здесь все материалы по данному делу, в том числе отчёт о полёте в Баир.

Костюк пролистал записи, закрыл папку.

– Повезём с собой, хотя вряд ли президент будет это читать. Спускайтесь на парковку, товарищи, поедем на моей машине.

Переглянувшись, приглашённые покинули кабинет.

Глава 2. Дайте им всё

Ехали на представительском «Аурусе», роскошном во всех отношениях. Машина российского производства получилась отличная, и в нынешние времена её закупали и в других странах для президентов разного рода компаний и чиновников высокого полёта. Насколько знал Сергей Макарович, очередь на «Аурус» была большая и портфель заказов на машину был свёрстан на три года вперёд.

На территорию Кремля (несмотря на воскресенье, президент ждал делегацию в Сенатском дворце, а не в своей резиденции в Завидово) проехали через Боровицкие ворота, открывшиеся после длительного ремонта.

Машину оставили на краю Сенатской площади, где уже стояли три точно таких же «Ауруса», пешком прошли по площади, ёжась под холодным сырým ветром.

Президент находился в своём рабочем кабинете, которым пользовался для встреч и совещаний с ближайшими помощниками. Кабинет был знаменит своим древним интерьером, дубовыми панелями по стенам, таким же дубовым столом и письменным прибором из малахита.

Как оказалось, кроме руководителей ГРУ были приглашены и другие высокопоставленные функционеры силовых структур. Сергей Макарович со смущением понял, что он в этой компании единственный полковник, так как все остальные были генералами: министр обороны Ковалёв, директор ФСБ Державин и секретарь Совбеза Катрушев. Так как гостей оказалось приличное количество – восемь человек, секретарь президента, молодой человек лет двадцати пяти, постриженный по молодёжной моде «интенсив», принёс дополнительные стулья, и знаменитый дубовый стол владельца кабинета оказался в окружении приглашённых.

Вышедший из-за стола Степан Романович Ровенский, невысокого роста, но по-спортивному энергичный, с большими залысынами (лысеть он начал уже в сорок лет и к нынешнему времени потерял большую часть светлых седоватых волос), с внимательными жёлтыми, как у рыси, глазами, пожал всем руки по очереди, пригласил к столу, сел сам. Одет он был практически в такой же джемпер поверх белой рубашки, что был и на Савельеве, и Сергей Макарович приободрился, подумав, что его вкусы совпадают со вкусами не просто уважаемого человека, а аж со вкусами самого главы государства.

– Я собрал вас, друзья, – начал Степан Романович, бегло оглядев компанию, – чтобы выработать общую стратегию совместных действий в связи с открытием реального прохода в другую, – президент усмехнулся, – вселенную. Как бы это фантастично ни звучало.

– Мы подготовили отчёт по данной теме, – сказал директор ГРУ, показав красную папку.

– Давайте. – Степан Романович взял папку. – В принципе, я ознакомлен с проблемой с достаточной полнотой, и у меня появились вопросы, на которые я хочу получить ответы. Первый вопрос: каково самочувствие вернувшихся из-за... – президент поискал слово, – будем называть её просто Границей с большой буквы. Так вот, как чувствуют себя вернувшиеся из-за Границы?

Взоры присутствующих обратились на Сергея Макаровича.

Он выдержал паузу, подумав, что на этот вопрос мог бы ответить и Костюк.

– Нормально чувствуют, Степан Романович. Переход Границы сопровождается кратковременными отключениями сознания без дальнейших последствий. Все спасённые специалисты находятся под наблюдением врачей, проблем со здоровьем нет.

– У вас тоже? Вы ведь побывали там?

– Всё в порядке, Степан Романович, – смущённо сказал Сергей Макарович. – Готов повторить командировку.

Присутствующие оживились.

Президент улыбнулся.

– Не сомневаюсь в вашей отваге, Сергей Макарович. Но продолжим беседу. Вопрос второй: что из себя представляет этот «потусторонний», так сказать, «заграничный» мир?

Савельев озадаченно глянул на ёрзающего, но не решающегося попросить слово, Карапетяна.

– С научной точки зрения это лучше объяснит Егор Левонович.

– С точки зрения прямого наблюдателя.

Сергей Макарович вспомнил, какое впечатление произвёл на него гигантский «потусторонний» лес, увиденный через иллюминаторы «перевёрнутого» вертолётa.

– Бесконечный, – нашёл он слово, – лес! Мы, если честно, особо ландшафт не разглядывали, не до того было, но по ощущению этот лес имеет колоссальные масштабы.

– Значит, эта планета больше Земли?

– Понимаете...

– Разрешите, Степан Романович? – поднял руку Карапетян, взглядом попросив извинения у Савельева.

– Да, пожалуйста, Егор Левонович.

– Возможно, «потусторонняя» брана вообще не является планетой. Судя по записям с видеокамер, лес простирается на десятки тысяч километров, в таком случае планета должна быть размером с Юпитер, и тогда она из-за большой массы должна иметь соответствующую гравитацию. Но наши специалисты, побывавшие там, этого не ощутили, да и спасённые подтвердили, что сила тяжести в месте выхода иномерианы не превышает земную.

– Что же это за объект в таком случае?

– Иллюзия, – с ноткой шутливости в голосе предположил молодой, широкоплечий, уверенный в себе Державин. Он был самым молодым генералом в структуре спецслужб и самым молодым директором ФСБ за всю историю Службы, к концу года ему должно было исполниться тридцать три года, и стал генералом и директором он не в последнюю очередь в силу дерзости, ощущения превосходства и напористости активного характера.

В таком случае эта иллюзия не менее реальна, – покачал головой Плащинин, – чем наша жизнь.

– Я пошутил, – с улыбкой сказал Державин.

– Это мир с иными физическими параметрами, – сказал Карапетян. – Аппаратура, взятая на борт вертолётa на время эвакуации, записала достаточное количество параметров среды, с которыми надо ещё разбираться. И хотя анализ этих параметров не закончен, я могу сделать предварительный вывод о том, что соседняя брана... э-э, «потусторонний» мир представляет собой бесконечную плоскость с нецелочисленным количеством измерений, замкнутую сама на себя. Отличия от нашей браны... э-э, вселенной небольшие, но именно они создают тонкие эффекты, порождающие межмембранные пробои – каналы взаимодействий с другими вселенными.

– Иномерианы?

– Так точно, Степан Романович. По моим расчётам в том мире даже время представляет собой не прямую стрелу изменений континуума, а спиралевидную.

– Это как? – поднял брови Ковалёв. – То есть оно движется по спирали?

Карапетян смутился ещё больше, развёл руками.

– Вряд ли я могу показать это наглядно.

Министр обороны скептически усмехнулся, но продолжать не стал.

– Понятно, – сказал президент, – что обычному человеку эти материи недоступны.

– Вряд ли они доступны самим теоретикам, – проворчал генсек Совбеза, похожий на президента как старший брат: те же черты лица, те же залысины. Правда, ростом Катрушев, бывший игрок в волейбол, чуть ли не на две головы был выше Ровенского.

– Наука – та же религия, – рассмеялся Державин. – А теоретики, верующие в свои теории, ничем не отличаются от священнослужителей, верующих в своего бога.

– Что-то вы сегодня в игривом настроении, Кирилл Михайлович, – сдвинул брови Катрушев.

– Извините, – посерьёзnel директор ФСБ.

– Вернёмся к нашим бранам, – не менее шутливо сказал Степан Романович, перефразируя известное изречение, сохраняя, тем не менее, задумчивое выражение лица. – Этот ваш лес в «потусторонней» бране... он действительно заполняет всю вселенную? Или вы преувеличили его масштабы? Его можно сравнить с российской тайгой или африканскими и бразильскими джунглями?

– Про африканские джунгли ничего сказать не могу, – мрачно проговорил Катрушев, – однако площадь наших лесов постоянно сокращается. За последние пятнадцать лет мы потеряли почти двадцать пять миллионов гектаров малонарушенных, то есть девственных, лесов по всей России. И это только официальные данные Росстата. Если процесс продолжится нынешними темпами, то к середине века страна вообще может лишиться нашего национального достояния.

– Эк вас заносит, Пётр Свиридович, – хмыкнул министр обороны. – Готовите речь на заседание Госдумы?

– Я думаю о государстве! – отрезал Катрушев.

– Об этом мы обязательно поговорим, – пообещал президент, – на заседании Совбеза в том числе. Вернёмся к моему вопросу.

– Лес в соседней бране не просто велик, – сказал Карапетян убеждённо. – По моим оценкам он действительно заполняет всю равнину на десятки тысяч километров. Даже средняя высота деревьев, составляющих основную его структуру, равна приблизительно сотне метров, а встречаются экземпляры и в полтора-два раза выше.

– Хотелось бы взглянуть.

– Здесь собраны видеозаписи, – потянулся к красной папке глава ГРУ.

– Я имел в виду непосредственно своими глазами. Записи посмотрю позже. Ещё пара вопросов, товарищи, если не возражаете. На чём базируются ваши предположения, Егор Левонич?

Карапетян смешался.

– На М-теории, Степан Романович.

Плацинин хотел что-то сказать, но передумал.

Лица присутствующих выразили в основном снисходительное понимание слов физика, которое можно было выразить фразой: ну, сел на своего конька! Однако президент их не поддержал, сохраняя прежнюю задумчивость.

– Я попытался перед встречей овладеть азами теории суперструн и понимаю, что такое браны. Но теоретики утверждают, что столкновения бран могут иметь катастрофические последствия. Одно такое столкновение якобы и вызвало Большой Взрыв, породивший нашу Вселенную. Я правильно излагаю эту идею?

– Без сомнения, Степан Романович, – поспешил согласиться с президентом Егор Левонич. – Но спектр последствий таких столкновений может быть очень велик. Одно способно вызвать отпочкование новых вселенных, то есть взрывообразное отделение пузырей-бран с родственными или же другими законами, но могут быть и лёгкие соударения, не ведущие к кардинальным изменениям континуумов. Одно из таких и произошло в Баире. Я считаю, что наша брана сталкивалась с соседней не один раз, и прошу дать мне доступ к информации по аномальным явлениям, собранной нашими спецслужбами. Изучив все материалы, можно будет сделать вывод о дальнейших проявлениях взаимодействия бран и выйти снова на мир Большого Леса.

– Вы думаете, это возможно?

Лицо Карапетяна покрылось пятнами; он волновался и не скрывал этого.

– Я... очень надеюсь... Степан Романович... что это возможно.

– Другие идеи есть?

– У меня нет.

– Что ж, подготовьте план работ по данной теме, я рассмотрю.

– Степан Романович, я хотел бы забрать это дело у коллег из Министерства обороны, – сказал Державин. – У нас есть отличные специалисты, физики и уфологи, собран большой материал...

Президент поднял ладонь, останавливая директора ФСБ.

– Не спешите брать на себя ответственность за это дело, Кирилл Михайлович. – У коллег из разведки достаточно компетентных кадров, способных решить проблему.

– У меня вопрос иного плана, – сказал Катрушев. – Разрешите, Степан Романович?

– Без церемоний, Пётр Свиридович.

– Почему эти компетентные кадры, – Катрушев бросил на Плащинина и Савельева недобрый взгляд, – оставили в чужом мире не только своих сотрудников, но и гражданских лиц? Почему нельзя было принять их на борт вертолёт? Не стоит ли руководителей экспедиции в Баир отдать под трибунал?

Сергей Макарович сжал челюсти, сдерживая острое желание ответить генсеку Совбеза грубостью.

Плащинин же, казалось, абсолютно не обратил внимания на тон Катрушева. Обменявшись взглядами с Костюком, он проговорил бесстрастно:

– Во-первых, решение остаться принял не я и не полковник Савельев. Это сделал командир спецгруппы майор Ребров, мотивируя отказ вернуться поиском бойцов своей группы. Во-вторых, гражданские специалисты, члены экспедиции ЮНЕСКО Константин Ливеровский и Вероника Соловьёва, остались добровольно, а уговаривать их долгое время значило рисковать всеми участниками операции. Под трибунал нас, конечно, отдать можно, однако хотел бы я посмотреть на ваши решения в условиях жесточайшего цейтнота в Баире. Кстати, иномериканка после возвращения вертолёт с группой спасённых оборвалась, и счёт, наверное, шёл на секунды.

– Успокойтесь, Виктор Викторович, – сказал президент добродушно, – никто не собирается отдавать вас под трибунал. Вы остаётесь руководителем операции по восстановлению контакта с «потусторонним» миром и возвращению оставшихся людей домой. Сергей Макарович будет помогать вам во всём. Надеюсь, наши доблестные воины ССН, – хозяин кабинета перевёл взгляд на Сергея Макаровича, – справятся с экстремальной ситуацией в чужой вселенной и вернутся с победой.

– Можете быть уверены, Степан Романович, – привстал Савельев.

– Сидите, сидите, Сергей Макарович, мы не на чествовании юбиляров. Скажите, вы хорошо знаете майора Реброва?

– Пять лет, с момента его поступления в бригаду ССН.

– Основные его характеристики?

Сергей Макарович помедлил.

– Опытен... выдержан... решителен... надёжен. Спец по выживанию в экстремальных ситуациях. Два десятка рейдов по всему миру.

– Могу показать фото, – неожиданно предложил Костюк.

– Да? – с некоторым удивлением посмотрел на него президент. – Давайте посмотрим.

Сергей Макарович переглянулся с Плащининым. Сам он не догадался взять с собой снимок Реброва, и инициатива директора ГРУ его ошеломила. Костюк хорошо подготовился к рандеву с лидером страны.

Степан Романович взял у главы ГРУ смартфон, с минуту рассматривал видеозапись тренировки Реброва, сделанную в спортзале разведкомплекса.

– Большой парень, хорошо координирован.

– Равных ему мало.

– Возраст?

– Тридцать два года, – сказал Сергей Макарович.

Президент вернул смарт Костюку, оглядел присутствующих.

– Товарищи генералы, я беру это дело под личный контроль. Причина вовсе не в том, что я вам не доверяю. Людей, которым я не доверяю, в моей команде нет. Но и не в том, что гражданка Соловьёва является моей племянницей. Речь идёт о реальном контакте с иной вселенной, в связи с чем я хотел бы попросить вас: дайте им всё! – Степан Романович кивнул на представителей Главного разведуправления. – Информацию в первую очередь. И помогайте, чем можете. Работу комиссии засекретить! Чем меньше народу будет знать о её деятельности, тем проще будет работать. Вопросы ко мне есть?

Никто не пошевелился. Хотя судя по лицу директора ФСБ, какие-то возражения у него остались.

Глава 3. Метаконтакт

Он стоял на вершине какой-то высокой башни, свитой из древесных стволов, и смотрел на бескрайнее пространство сумеречного леса, уходящего во тьму неизвестных космических далей, в беззвездную бесконечность чужого мира. Он смотрел на лес, а лес смотрел на него, как войско на командира – не шелохнувшись, в торжественной тишине, ожидая приказа.

Самое интересное, что гигантские деревья, окружавшие башню, и в самом деле походили на воинов в латах, несмотря на форму стволов и обилие ветвей, и Максим отметил это уголком сознания.

Внезапно строй деревянных «воинов» колыхнулся, передние шеренги псевдососен раздвинулись, и к башне вышел великан, в котором Максим с удивлением узнал исполинский псевдодуб, с которым он встретился в первый свой день падения на лес. На сей раз «дуб» походил на могучего предводителя тридцати трёх богатырей из поэмы Пушкина «Руслан и Людмила», разве что без островерхого шлема и меча. Но образ седого богатыря всплыл в голове майора не зря: этот исполин тоже являлся командиром, только войско его было намного больше отряда из пушкинской сказки.

– Человек! – прогудел он, слепо глядя на Максима средоточием ветвей-глаз. – Мы избрали тебя выполнить миссию – очистить наш мир от завоевателей, уничтожающих наш дом! Мы дадим тебе всё, чем владеем сами, откроем тайны прошлого, дадим доступ к ресурсам и разрешим делать на наших землях всё, что ты пожелаешь! Согласен ли ты повести нас в бой?!

Максим проглотил ком в горле, выпрямился, понимая, что его ответ может стать приговором ему и всем, кто остался с ним.

– Я... согласен! Но мне нужны помощники.

– Твои соотечественники?

– В первую очередь.

– Мы не возражаем. Хотя не все твои соотечественники относятся к нам так же, как ты.

– Это исправимо. По лесу где-то бродить бойцы моей группы – трое, поможете их найти?

– Вне всяких сомнений. Нарисуйте их образы, и мы определим их местонахождение. Чёрный человек из числа наших обидчиков тоже с вами?

– Нет, он враг не только вам, но есть шанс изменить его поведение, поэтому я его отпустил.

– Он продолжает охоту на подвижных помощников нашей системы обслуживания, продолжает убивать и движется к ареалу нашего врага.

Максим невольно поёжился. Отпуская вожака боевиков СОА, он надеялся, что тот вникнет в ситуацию и начнёт жить по-новому. Однако надеждам майора, похоже, не суждено было сбыться. Русская пословица – горбатого только могила исправит – точно отражала суть вещей.

– Я проконтролирую его планы.

– Благодарим за понимание и... – Великан не договорил.

Впрочем, речью его общение с Максимом назвать было нельзя, скорее невербальным мысленным внушением, так как ни рта, ни лица в общепринятом смысле «мегадуб» не имел. Но Максим вполне понимал собеседника.

Внезапно в тёмном небе возникла туча, и на лес, на дуб-великан, на башню (которая оказалась скелетом высохшего дерева-гиганта) обрушился ливень из огромных насекомых!

Это были восьмипалые и четырёхкрылые псевдошмели!

Максим отшатнулся от их струи, спикировавшей на него, сорвался с башни... и проснулся, осознавая, что находится в шалаше, один, на мягкой подстилке из приятно пахну-

щих трав и «тростника», а в щели накидного полога из того же «тростника» в шалаш просачивается утренняя светлень.

Снаружи было тихо: переселенцы в мир леса ещё спали, утомлённые после вчерашней суеты. Так как связь с земным миром могла быть осуществлена только над бывшим лагерем боевиков, решили далеко от него не уходить, выбрали лесок неподалёку от полуострова, напомним родной смешанный лес где-нибудь под Брянском: в опоясывающем болотце растительном кольце росли «берёзы» и «ивы», «тополя» и «лиственницы», «сосны», «ели» и «клёны».

Правда, болотце с леском и здесь окружали многоходульные «мангры», которых Костя-ботаник назвал плантоидами, древесными роботами-защитниками, но и к ним «попаданцы» в мир леса уже начали привыкать. Вероятнее всего, Костя был прав в определении функций этих растительных экзотов: они действительно выполняли роль защитников основного населения леса, состоящего из гигантских «секвой», «фикусов», «баньянов» и «пальм». Лес отгородился ими от множества небольших болот, образовавшихся, вероятно, вокруг воронок, оставшихся, в свою очередь, от бомбардировок неких налётчиков в стародавние времена, когда в этих краях шла война, закончившаяся тысячи, а то и десятки тысяч лет назад.

Идею подал тот же Костя, вспомнивший, что в российской Сибири тоже полно небольших озёр и болот, оставшихся после битв древних предков человечества, описанных в индийских хрониках «Махабхараты». Вполне было допустимо, что и в этом мире, заросшем великаньим лесом, тоже когда-то шла война. Максим даже хотел «поговорить» с лесом на эту тему, расспросить об истории возникновения жизни, но всё время мешали какие-нибудь неотложные дела. Теперь же, пережив новый сон, причём, скорее всего, наведённый, превратившийся в мета-контакт с лесом (повезло, что нервная система реагирует на пси-излучение местной фауны), Максим твёрдо решил в ближайшее время возобновить попытки установить с Заповедником (так он назвал лес) настоящий продуктивный контакт.

Костя нашёлся тотчас же, как только улетел вертолёт с членами экспедиции ЮНЕСКО. Из его сбивчивых объяснений можно было понять лишь одно: он не хотел возвращаться в родные пенаты, не изучив жизнь небывалого по масштабам леса. Набранного материала не хватало для диссертации (подтекст заявлений ботаника говорил именно об этом), и упустить шанс стать первым «лесным инопланетным академиком» он не хотел.

Разозлённый поведением парня, Редошкин (сержант невзлюбил его с первого взгляда) буквально приволок его за шиворот через полчаса после исчезновения вертолёта и швырнул под ноги вскрикнувшей Вероники со словами:

– Убить мало! Прятался в кустах у реки!

– Ничего я не прятался! – возмущённо огрызнулся молодой человек. – Я изучал водоросли!

– Исследователь! – фыркнул Редошкин. – А то, что тебя ждали, ежеминутно рискуя, не аргумент?!

– Не кипятись, Жора, – успокоил сержанта Максим (не раз впоследствии пожалев об этом), – оставь его, у парня проблемы с детскими комплексами свободолюбия. Теперь уже поздно устраивать ему порку, да и ботаник нам пригодится – будет испытывать дары местной природы на предмет их съедобности.

– Вот! – мгновенно ожил Костя, вскакивая на ноги. – Без меня вам крышка!

Вероника засмеялась.

Редошкин красноречиво развёл руками.

На том разбор полётов и закончился.

Глянув на часы – утро по местным параметрам отличалось от земного тем, что солнце здесь не вставало из-за горизонта, а возвращалось из кругосветного плавания, и суточный цикл был на полтора часа длиннее (пришлось каждый раз корректировать ход часов), – Максим бесшумно выбрался из шалаша, привычно настраиваясь на дневной ритм движения и контроля

обстановки. Но кругом стояла тишина. Лес молчал, птицы не пели, потому что их не было, а спутники майора спали каждый в своём шалаше, вместе с другими образовав квадрат со стороной в пять метров.

Организация быта заняла двое суток.

Лагерь разбили в двадцати шагах от озера в центре котловины, в окружении округлых «ив» и «ракит», за которыми начинался лес повыше: над «ивами» возвышались белоствольные, с чёрной рябью «берёзы» и голубоватые, высокие, до полусотни метров, «сосны».

Селиться у края болота не испугались: ни комаров, ни других кусачих насекомых в этом лесу не существовало.

После определения места поселения за пару часов собрали шалаши под руководством Редошкина. Костю тоже заставили обзавестись жильём, не обращая внимания на его нежелание трудиться на благо колонии.

Самым трудным делом оказалось оборудование туалета. Пришлось копать довольно глубокою яму на краю леска, в тридцати метрах от лагеря, застилать её досками, вырубленными из корней «вёсельного дерева», и сооружать нечто вроде кабинки. Однако справились и с этим.

Установили дневное наблюдение за воздушной зоной над лагерем боевиков – парами и поодиночке (Максим с Редошкиным), чтобы не пропустить появление вертолёт с «большой земли». Правда, на пятые сутки терпение лопнуло не только у Кости, но и у остальных переселенцев, так как вертолёт не появлялся, а поиски зоны «портала» на аэробайке ничего не дали. То ли она была доступна только с определённого направления, то ли вообще исчезла.

У Вероники родилась отличная идея выложить камнями на берегу реки транспарант для вертолётчиков, если он появится, и переселенцы с энтузиазмом взялись за дело, выложив фразу: «Мы рядом. Сбросьте послание, когда вас ждать».

Трудились долго, так как пришлось собирать камни по берегу реки – в самом лесу они практически не попадались, зато потом с удовлетворением изучили свою работу, поднявшись на высоту двести метров: надпись была видна с воздуха хорошо.

На следующий день «гражданские» – Вероника и Костя – начали походы в лес в поисках пищи. Набрали грибов, ягод, Костя обнаружил дерево с плодами, напоминающими по форме болгарский перец, которые по вкусу действительно напоминали перец, правда горький. Он же первым попробовал синего цвета кубышки, обрадованно заявив, что они съедобны.

Заинтригованный Редошкин откусил острую верхушку плода, но тут же выплюнул со словами:

– Чёрт! Жжётся как крапива! Ешьте сами, я вам не капсикофаг.

Заговорили о рыбалке.

– Хорошо бы рыбки наловить, – заметил Редошкин. – Грибы приедятся быстро.

– Рыбы здесь нет, – сказал Максим. – Я не видел ни мальков, ни головастиков, не говоря уже о крупных экземплярах.

– Может, она прячется?

– От кого? Медведей в этом лесу не видно, рыбаков тоже, прятаться не от кого.

– Ботаник, в чём дело? Почему здесь рыба не водится?

– Я именно ботаник, а не биолог, – огрызнулся Костя, с удовольствием поглощая «перец». – Может, она не водится только в этой реке.

– Почему? Вода отравлена?

– Мы все пили воду из реки и не отравились, – возразила Вероника.

– Поищем в других водоёмах, – пообещал Максим. – Мы сверху пролетали и над реками, и над озёрами. А пока довольствуйтесь тем, что есть.

– Тут другая проблема намечается, – сказал Редошкин. – Моя зажигалка практически перестала фурычить. Что будем делать, когда газ совсем кончится?

– Будем добывать огонь как неандертальцы, – развеселился Костя.

– Может, так и придётся делать, – остудил его веселье Максим. – Будете бродить по лесу, ищите выходы кремня или другого камня.

Пока «гражданские» ходили по грибы, Максим с Редошкиным вскрыли контейнеры, сброшенные с вертолёта, и обнаружили ПЗРК «Вербу» и переносной противотанковый ракетный комплекс «Крюк» с запасом ракет – по две на каждый ствол.

– Живём! – обрадовался сержант. – Можно будет отлично перекрыть периметр в окнах уязвимости! Жаль ракет мало.

– Остынь, – хмыкнул Максим, тем не менее обрадованный не меньше Редошкина. – Воевать с нами некому.

– А вдруг к нам свалится какая-нибудь сволочная артель наподобие негритосов? Если нас сюда затащило, почему не может затащить кого-то ещё?

Слова сержанта заставили Максима задуматься. Он вдруг подумал о чёрном лесу. Вполне можно было допустить, что и лес этот попал в Заповедник тем же путём, что и попаданцы с Земли. С этой точки зрения действительно стоило позаботиться о защите лагеря, чтобы ослабившихся землян нельзя было застать врасплох.

В двух других контейнерах лежали разобранные беспилотники «Ворон» с электрическими движками. Ресурс их аккумуляторов позволял дронам держаться в воздухе всего около шести часов, но и эти небольшие аппараты серьёзно усиливали возможности защиты колонии.

Для оружия и дронов соорудили отдельный шалаш-склад в кустах, недалеко от шалаша командира группы – Максима. Он мог в любой момент воспользоваться им, хотя свой «шёпот смерти» – снайперскую винтовку «Lobaev Arms» – держал под рукой, в своём шалаше.

Точно так же не расставался со своим М4 Редошкин, привычно таская его на плече, куда бы он ни собирался.

От «хамелеонов» пришлось отказаться. Их шлемные рации по-прежнему не работали, выдавая тихий шелест местного эфира, а питающие электронные системы комбинезонов аккумуляторы почти разрядились, отчего маскер-системы начали глючить и преимущества боевых костюмов серьёзно упали. Таскать их на себе не имело смысла.

Переоделись в инопланетные наряды, обнаруженные в яйцевидной ракете неведомых «торговцев космоса», и теперь отряд землян щеголял в костюмах весёлых расцветок, со стороны напоминая группу бродячих актёров, что веселило Костю и расстраивало Редошкина. Впрочем, на его ворчание никто не обращал внимания, и сержант перестал в конце концов жаловаться на слишком просторную одежду.

Слетали к ракете, уничтоженной залпом НУР американского вертолёта, сбитого впоследствии Максимом. Нашли несколько уцелевших настенных ячеек кормового отсека ракеты, в которых оказались знакомые «фаустпатроны».

Редошкин снова обрадовался, оценив возможности инопланетных гранатомётов, стреляющих каким-то электрическим либо силовым полем. Во время стычек с африканскими боевиками СОА эти невзрачные «мётлы» показали себя мощным оружием, оставляя от противника только неглубокие вдавленности в почве: каждый выстрел буквально раскатывал попадавшие под удар предметы и объекты, в том числе и человеческие тела, в тонкий молекулярный слой, как дорожный каток раскатывает асфальт.

– Надёжная штучка! – повертел в руках «фаустпатрон» Редошкин. – Отвезём домой, спецы её раскрутят, и пиндосы сдохнут от зависти. Как ты думаешь, медальки за это мы заслужим?

– Не о том мечтаешь, – укоризненно качнул головой Максим. – Знаешь, о чём говорит наличие такого оружия в инопланетном звездолёте?

– О чём?

– О том, что не только на Земле идут войны, но и где-то в космосе, на других планетах, в других галактиках и даже в других вселенных.

Редошкин поскрёб в затылке.

– Я об этом не подумал. Интересно, кому везли эти «фаустпатроны» владельцы ракеты?

– Кому-то они были нужны, пока продавцов не вывернуло в наш Заповедник.

– Как ты думаешь, они выжили?

– Вряд ли, иначе вернулись бы к ракете. Может, мы ещё встретим их скелеты в лесу.

– Почему скелеты? Здесь же можно прокормиться.

– Они могли умереть и от старости – ракета лежит здесь много лет.

После обследования остатков яйца оба посетили лагерь боевиков, собрали их оружие и обследовали катер, в трюме которого обнаружили два ящика с патронами для пулемёта и снарядами для автоматической двадцатимиллиметровой пушки. Но больше обрадовала находка двух бочек с соляжкой – топливом для двигателей катера. Если пулемёт и пушку нельзя было демонтировать и перевезти в другое место, так как для стрельбы из них нужен был модуль дистанционного управления, расположенный в рубке катера, то соляжку можно было отливать в канистры и пользоваться ею при необходимости, хотя идея – для чего нужна соляжка в условиях заповедного леса – в голову ни Максиму, ни Редошкину не пришла.

Поиски уцелевших бойцов группы – старшего лейтенанта Леонида Верника (операционная кличка Вера), лейтенанта Мирона Мирадзе (Мир), лейтенанта Иосифа Матевосяна (Софа), старшего сержанта Жени Чубченко (Чуб) – так ничем и закончились. Не помогли и запущенные дроны, обследовавшие лес в радиусе двадцати километров. По мысли расстроенного Редошкина ребят разбросало так далеко друг от друга и от лагеря боевиков, что они не слышали стрельбы во время разборок с боевиками, иначе наверняка стянулись бы к этому району. А так как появился только один Корзоев, не уберёгшийся от гибели, остальные в настоящее время бродили где-то за пределами обследованной лесной зоны.

Если только они уцелели, невесело подумал Максим, не высказывая своих опасений вслух.

– Продолжим поиски, – сказал он.

– Продолжим, – подтянулся Редошкин.

Но до сих пор никаких следов пребывания сослуживцев они не нашли.

Максим выбрался из шалаша.

Воздух в лесу был прохладен и свеж, наполненный знакомыми и незнакомыми, но приятными ароматами. Хотелось пить его как воду и думать только о хорошем. Не давал покоя только утренний сон, полный тревог и угроз. Лес продолжал внушать человеку свои страхи, и отмахнуться от них было нельзя.

Максим обошёл шалаша, прислушиваясь к долетавшим изнутри звукам, но ничего не услышал. Все жители небольшой земной колонии спали бесшумно, даже Костя.

Тогда он спустился к воде, умылся, в очередной раз удивляясь чистоте болотной воды, начал готовить костёр, чтобы сварганить нехитрый завтрак: грибную икру (недоеденную вечером) и компот из ягод.

Как оказалось, все ягоды Заповедника были насыщены эндорфинами (по заявлению Кости) и вызывали у потребителей эйфорический эффект сродни действию морфина, после чего у человека возникало яркое удовольствие от жизни. Их хотелось есть непрерывно, и Максим в конце концов запретил всем слишком часто наведываться в ближайшие ягодники с «малиной» и «земляничкой».

В одном из шалашей, полог которого был украшен гирляндой золотистых коробочек – плодов какого-то растения (как ни странно, об этом позаботился Костя), зашуршало, полог откинулся, и к разгоревшемуся костру вышла Вероника с заспанным лицом. Потянулась, выгнулась дугой, сцепив руки перед собой, отчего её грудь приятных очертаний и размеров туго натянула футболку.

– Доброе утро.

Максим замер на несколько мгновений, вбирая тёплый образ девушки в уголок памяти, где она безраздельно властвовала.

– Доброе. Как спалось?

– Отлично! Как дома на даче, даже спокойней. А тебе?

Он присел на корточки, подкладывая в костёр «полешки».

– В принципе, тоже нормально. Пару раз вставал – ещё не привык к такой тишине. Сон видел. По сути, он меня и разбудил.

Вероника перестала тянуться, подошла ближе.

– Сон? Хороший или плохой?

– Скорее тревожный, нежели плохой.

– Расскажешь?

– Лес предстал в виде войска, а его предводитель – гигантский дуб, похожий на воспетого Пушкиным богатыря, – предложил мне возглавить войско.

– Правда? Это так романтично!

Максим вспомнил атаку псевдошмелей, но говорить об этом не стал. Поднялся на ноги, и их лица оказались напротив друг друга. Наступило хрупкое молчание. Потом она потянулась к нему с непривычно *ждушим* выражением глаз, и он, не раздумывая, притянул девушку к себе и поцеловал.

Она ответила. И миг счастья затмил собой все прошлые переживания, опасения, страхи и надежды.

В уме всплыла строчка из чьего-то стихотворения: судьба дарует поцелуй...

Так оно и было на самом деле, хотя не поцелуи характеризовали их влечение друг к другу, усилившееся в последние дни, а взаимный интерес, вспыхнувший при первой же встрече. Но суть состояния Максима от этого не изменилась: близость красивой девчонки-археологини манила и радовала, и эту близость можно было действительно выразить словами – поцелуй судьбы!

– Пусти... а то увидят...

Огромным усилием воли он расцепил руки.

Вероника освободилась, залилась краской под его взглядом (господи, неужели ещё есть на Руси такие искренние девчонки?!), облизала ставшие пунцовыми губы.

– Пойду умоюсь.

Он кивнул, не желая ранить словами оставшееся послевкусие поцелуя.

Вероника направилась к озерцу.

Из шалаша справа выбрался Редошкин, протирая глаза кулаками.

– Что за шум, а драки нет? Ох, я и разоспался! А ты уже на ногах?

Ответить Максим не успел: из-за кустов послышался тихий вскрик девушки.

Оба отреагировали в режиме боя: Редошкин нырнул в шалаш, выпрыгивая обратно с карабином, Максим выдернул нож, торчащий из полена, – и оба метнулись к водному окошку болотца.

Вероника стояла, сжавшись, прикрыв голову руками, в низинке за пучком «тростника», а над ней кружил, издавая тихое зудящее стаккато, гигантский псевдошмель!

Редошкин вскинул карабин, но Максим опередил сержанта: нож со свистом распорол воздух и рассёк насекомое размером с кулак надвое. Половинки шмеля упали на голову девушки, и она отскочила, попадая в объятия майора.

– Твою дивизию! – выговорил Редошкин, опуская ствол М4 и высматривая, нет ли поблизости ещё шмелей.

– Он... напал, – дрожащим голосом произнесла Вероника.

– Не укусил?!

– Н-нет...

– Первый раз такого зверя вижу, командир! – сказал Редошкин. – Встречал пчёл, муравьёв, тоже кстати немаленьких, но такую громадину вижу впервые! Откуда он здесь нарисовался?

– Из чёрного леса. – Максим погладил пальцами щеку девушки, отпустил. – Кажется, нас обнаружили. Это разведчик.

– Кто?! – изумился Редошкин.

Максим не ответил, обдумывая родившуюся идею навестить чёрный лес, с которым воевал лес Заповедника. Пора было заняться вторжением иного плана, о котором лес намекал уже не первый раз.

Глава 4. Российская аномальщина

Плащинин, оставшийся начальником особой группы, получившей задание президента продолжить работу с «иновселенским нападением», проявившимся в африканском Баире, собрал команду сразу после встречи с президентом.

В неё вошли те же специалисты и сотрудники Главного разведуправления Минобороны, что начинали решать проблему первыми, ещё в сентябре, когда стало известно о захвате экспедиции ЮНЕСКО боевиками Союза освобождения Африки. Хотя добавились и новые: заместитель директора ФСБ вице-адмирал Левин и доктор технических наук, главный эксперт ГРУ в области космических технологий Рощин. Остальные трое, включая Плащинина и исключая себя, Сергею Макаровичу были хорошо знакомы: начальник управления военно-воздушных операций Гусев, уфолог Кондратюк и физик Карапетян, чья идея о последствиях столкновения бран-вселенных оказалась верной.

Конечно, это были только руководители подразделений, знавшие суть проблемы, но именно они имели возможность привлечь к её решению десятки исполнителей и требующую технику, не посвящая служащих в детали операции, и Сергей Макарович испытал немалое облегчение от того, что не он один будет отвечать за успех дела. Однако оперативную составляющую всего комплекса мероприятий Плащинин возложил всё-таки именно на него, полагая, что бригада Сил специального назначения имеет все необходимые средства, и это обстоятельство привело Савельева в уныние. Свободных специалистов и групп у него не было, все имевшиеся профи разведки и диверсий выполняли свои задачи, и снимать их с операций и перебрасывать на другой «секретный» фронт было непросто. Тем не менее пришлось.

К своим помощникам, вместе с ним летавшим в Баир, майору Спицыну и капитану Барышникову, Сергей Макарович присоединил группу полковника Скабеева, готовившуюся к рейду в Афганистан, и теперь у него под рукой были девять мастеров разведывательно-диверсионного дела, за деятельность которых он мог не беспокоиться. Эти хорошо тренированные парни умели всё: следить за объектами и субъектами, воевать, расторопно выполнять деликатные поручения, выполнять любую порученную работу и не выделяться из толпы, что было немаловажно при возникновении тревожных ситуаций, и убедительно молчать.

Карапетян позвонил приятелю во вторник, двадцать девятого октября:

– Сергей, можешь приехать?

– Куда? – спросил Сергей Макарович, бросив взгляд на часы: время двигалось к обеду, и он собирался спуститься в столовую «стекляшки».

– Ко мне в институт, пропуск я закажу.

– Хорошо, буду через час.

Поколебавшись, Савельев оставил намерение пообедать и поехал в Курчатовский институт не мешкая.

Комплекс знаменитого Курчатовского института, занимавшегося проблемами ядерной физики, располагавшего пятью ядерными реакторами разного типа, занимал площадь около двадцати гектаров на северо-западе столицы. Но здание, в котором работал Егор Леонович, стояло недалеко от центральной проходной на площади Курчатова, и Сергей Макарович, оставив машину на стоянке для VIP-гостей, поднялся к нему на четвёртый этаж.

Физик сидел в собственной стеклянной клетушке перед компьютером, поглядывая то на экран, то на бумаги на столе. Волосы на голове у него были взлохмачены, рубашка на спине (сидел без пиджака) промокла от пота. Вид у ведущего специалиста центра был возбуждённым.

– Садись, – сунул он руку гостю не оглядываясь.

Сергей Макарович сел рядом на белый пластиковый стул, заметив, что и рабочий стол физика, на котором стоял монитор с объёмным эффектом, тоже пластиковый, и стаканчик с кофе на столе из полистирола, и тумбочки в комнате сделаны из пластика.

– Неэкологично живёшь, – проворчал он.

– В смысле? – не понял Егор Леонович.

– Пластик вреден в любом смысле. Кто бы что ни говорил, он испаряется, и ты дышишь его испарениями и закусываешь кофе пластиком. Знаешь, сколько на Земле производится этой необходимой заразы?

– Никогда не задумывался, – фыркнул Карапетян.

– Триста пятьдесят миллионов тонн в год!

– Я к этому не имею отношения, – отмахнулся Егор Леонович, занятый своими мыслями. – Что дали, на том и сижу, из того и пью. Смотри, что я накопал в базе данных ФСБ по аномальным зонам России. Пришлось делать выборку наиболее интересных для нашего случая мест.

Палец физика коснулся клавиатуры, и на мониторе возникла страница текста с заголовком: «Аномальщина».

– Я тебе почитаю.

– Дай я лучше сам листну, быстрее будет.

Карапетян нахмурился, но сообразил, что гость прав, и уступил место.

– Садись.

Они обменялись стульями.

– Кофе будешь?

– Не хочу.

– Ладно, я принесу себе ещё. – Егор Леонович вышел.

Сергей Макарович начал читать описание мест в России, где были зарегистрированы необычные явления природы, не поддающиеся никакому объяснению, и таинственные пропажи людей и объектов.

Первым в отобранном Карапетяном материале шло описание района Кольского полуострова недалеко от порта Линахамари, где были обнаружены бетонные круги на воде и под водой. По утверждениям исследователей эти «блюда» стояли там с сороковых годов прошлого века, их диаметр сорок – пятьдесят метров, сделаны они немецкими специалистами из бетона хорошего качества и предназначены были в качестве стартовых столов для «летающих тарелок». Запускали немцы с этих площадок «тарелки» или нет, неизвестно, однако в этих местах часто исчезали люди, в основном доморощенные археологи и «чёрные копатели», и многие такие случаи были задокументированы, что и отметил Карапетян.

Вторая запись сообщала о появлении недалеко от Международной космической станции странного объекта в форме призрачного гиперболоида длиной до полукилометра. Камеры МКС бесстрастно зафиксировали, как объект, напомилавший прозрачный смерч, «вылился» из космоса и устремился к поверхности Земли, растаяв через несколько секунд.

Напоминал это явление и так называемый Петрозаводский феномен, проявившийся в небе над городом 23 сентября 1977 года. Наблюдали его сотни горожан. Уфологи впоследствии назвали его катастрофой НЛЮ, а военные, дабы предотвратить панику среди населения, официально заявили, что в расположенной неподалёку воинской части проходил учебный запуск ракеты, который закончился её взрывом в верхних слоях атмосферы.

– Ну, это когда было, – хмыкнул Сергей Макарович, ткнув пальцем в экран.

– Просто очень похоже на иномериану, – сказал Карапетян, принимаясь пить принесённый кофе. – Присоединил к другим фактам ради признания необычности.

Следующая запись описывала урочище Троице-Чижы совсем недалеко от Москвы, возле Павлова Посада. Этот район уже много лет считался сильнейшей аномальной зоной, был окру-

жён болотами, и пройти к нему мог далеко не каждый желающий. Однако добирались охотники за острыми ощущениями, да и жители деревни с тем же названием утверждали, что не раз наблюдали призраков, в том числе в форме длинных струй, похожих на слабосветящиеся фонтаны.

– Думаешь, это она, иномериана? – спросил Сергей Макарович.

– Читай дальше.

Следом за описанием Троице-Чижей компьютер выдал не менее интересный материал о таинственном Чёртовом кладбище в Красноярском крае, расположенном недалеко от практически исчезнувших деревень Костино, Чемба и Карамышево. По заверениям исследователей, которым удалось разыскать жителей деревень, в Чёртовом кладбище, выглядевшем как голая, безлесная, круглая поляна в окружении дремучих лесов, в центре которой расположена «бездонная дыра», раз в год открывались врата в иной мир, что проявлялось как падение в «дыру» призрачно-огненного сгустка или как выброс из неё призрачного вихря. Экспедиция учёных, организованная в тысяча девятьсот восемьдесят четвёртом году, состоящая из историков и физиков, обнаружила, что поляну окружают необъяснимые физические поля, а датчики, фиксирующие электромагнитное излучение, зашкаливают.

Сергей Макарович, дочитавший до этого места, хотел обратить на запись внимание приятеля, потом решил дочитать до конца.

Кроме упомянутых районов России «аномальщина» проявляла себя ещё в десяти местах, где исчезали люди либо появлялись экзотические видения, принимаемые чаще всего за НЛО или описываемые как геопатогенные зоны. Сергею Макаровичу особенно приглянулись три из них.

«Танцующий лес» в Калининградской области был известен ещё с прошлого века и представлял собой сосновую рощу, стволы деревьев которой искривились и свились кольцами по неизвестной причине. По легенде молодая девушка, избранница местного князя Бартия, так сыграла на лире, что лес пустился в пляс. На самом деле он был посажен не так уж и давно – в тысяча девятьсот шестьдесят первом году, а здешняя аномальная зона стала известна сразу после войны, когда над этим районом заметили странный светящийся объект, после чего засветилась и сама местность. Но главное, из-за чего Егор Леонович отметил аномалию, было то, что и гораздо позже над «танцующим лесом» видели светящиеся струи наподобие призрачных смерчей.

Ещё одной такой зоной стала трасса Люберцы – Лыткарино, давно пользующаяся дурной славой. Эта дорога проходила через старообрядческое кладбище XV–XVII вв., и, по мнению учёных, негативная аура этого места представляет собой накопленное информационное поле захоронений, влияющее на людей. По статистике с 1990 года по настоящее время на протяжении всего полутора километров трассы погибло пятнадцать водителей и двенадцать пассажиров разного вида транспорта. Свидетели говорили о появлении над дорогой призраков и фантомов автомобилей, якобы ехавших по встречной полосе. Но Егор Леонович отметил этот район по другой причине: над трассой не раз видели странное свечение в форме призрачных колонн, и по мысли физика эти светящиеся струи вполне могли быть иномерианами, связывающими земную реальность с мирами сталкивающихся бран-вселенных.

И наконец, третий случай, на который обратил внимание Сергей Макарович, был связан с происшествием на Камчатке. Туристы (существует такой вид экстремальных путешествий), проходившие прошлым летом через мёртвый, засыпанный пеплом лес у подножия вулкана Толбачик, зафиксировали удивительное явление: с неба на землю сквозь тучи упал призрачный расширяющийся луч, и в месте его падения исчез целый участок леса вместе с глыбой камня, представлявшей, очевидно, остывшую вулканическую бомбу. В этом месте образовалась неглубокая впадина диаметром около сотни метров с гладкими стенами и дном, будто их специально шлифовали наждаком.

Сергей Макарович в задумчивости отодвинулся от экрана.

– Камчатка, пожалуй, нас устроит.

– Ещё как! – согласился Карапетян. – Да и остальные места заставляют напрягаться, особенно при появлении светящихся струй над военными базами. Ими надо заняться в первую очередь.

– Ну, военные базы сами по себе нас не интересуют.

– Все случаи задокументированы, поэтому им стоит доверять. Я хотел бы начать поиск иномериан с Камчатки.

Сергей Макарович покачал головой.

– Во-первых, поход на Камчатку потребует немалых усилий и средств.

– Нам обещали предоставить любую помощь.

– Во-вторых, не забывай, что погода на Камчатке совсем не способствует изучению ландшафта даже летом, а сейчас уже конец октября, и полуостров лежит в снегу.

Егор Левонович пригорюнился.

– Чёрт побери! Ты прав. Туда не долетишь. Хотя случай исключительно перспективный. Тогда с чего предлагаешь начать?

Сергей Макарович глянул на экран.

– Нужны самые надёжные ориентиры. Я отметил четыре наиболее интересных с нашей точки зрения района: Троице-Чижи, Люберцы, Калининградский «танцующий лес» и Красноярское Чёртово кладбище. Первые два вообще считай рядом, много времени не потребуется для их изучения. Да и погода пока позволяет. В Калининграде тоже ещё не начались дожди, а вот в Красноярском крае снег.

– Космонавты на МКС видели луч...

– О МКС забудь, никто нам космический транспорт не предоставит для проверки твоих идей.

– Помечтал, – слабо улыбнулся Карапетян. – Значит, советуешь заняться Подмосковьем? Для разминки, так сказать?

Сергей Макарович нахмурился.

– Не ляпни при генералах. Они и так кривятся, считая твои идеи бредом теоретика, а отказаться от выполнения задачи не могут, сам президент дал распоряжение.

– В чём же тут бред, если в Баире мы реально спасли людей, вытащив их из иной вселенной?

– Меньше говори и ни с кем не спорь. Если мы начнём работать и ничего не найдём, истратив огромные средства, на нас повесят всех собак. Поэтому нам нельзя разбрасываться. Хорошо бы найти иномериану в первом же выбранном квадрате.

– Хорошо, я тебя понял. Что посоветуешь?

– Во-первых, поищи ещё, может, отыщется самый убедительный вариант. Если нет – начнём с Подмосковья. Потом Калининград.

– Ты сообщишь генералу о нашем предложении или мне позвонить?

– Звони сам, я только подтверждаю решение Плащинину. Единственный вопрос, Егор: ты уверен, что мы найдём иномериану и вытащим ребят?

Карапетян застыл с окаменевшим лицом. Пощипал усы. Прерывисто вздохнул, приходя в себя. Взгляд его стал виноватым.

– Я... не знаю... Серёжа... надеюсь, мои расчёты верны. И готов отвечать в полной мере, если надежды не оправдаются.

– Отвечать будем вместе, Егор, – усмехнулся Сергей Макарович. – На каторгу нас не пошлют, не беспокойся. Но хотелось бы закончить нашу эпопею достойно. Пошерсти базу данных Минобороны, могут найтись интересные файлы. А я пойду готовиться к рейду.

Через несколько минут он ехал в Управление, привычно прикидывая план действий на ближайшие пару дней.

* * *

Вертолёт опустился на окраину леса в двух километрах от Троице-Чижей. Гул винтов перешёл в свист, стих.

– Выгружаемся, – скомандовал Плащинин. – Дальше на колёсах. Я пойду встречу проводника, он уже должен ждать где-то неподалёку.

Кто-то открыл дверь грузового отсека.

Вытащив мобильный, генерал спрыгнул на бугорок, поросший пожухлой травой. За ним последовал помощник начальника управления, выполнявший также и роль телохранителя.

Зашевелились остальные двенадцать человек группы, отобранные Плащининым для выполнения первого похода к «аномальщине». Бойцы Сергея Макаровича занялись раскантовкой двух багги и мотоцикла на воздушной подушке, на которых большинству участников рейда предстояло добираться до «ведьминой поляны» недалеко от деревни, окружённой с трёх сторон болотами.

Чтобы за один раз перевезти к месту работ весь багаж и технику экспедиции, Плащинин заказал транспортный Ми-26Т2, в брюхе которого уместились и четырёхместные вездеходы высокой проходимости – багги «Чаборз-М4», и мотоцикл «Лось», и контейнеры с научными приборами, и сами члены экспедиции. А так как габариты Ми-26 имел приличные, посадка точно в центр «ведьминой поляны» была признана слишком рискованной, поэтому винтокрылая машина смогла приземлиться только возле просёлочной дороги, соединявшей Троице-Чижи с Павлово-Посадам.

Спрыгнули на землю и Сергей Макарович с Карапетяном.

Погода благоприятствовала высадке. Температура воздуха не опускалась днём ниже плюс двенадцати градусов, ветер практически отсутствовал, а облака, нарисовавшие в небе «стадо барашков», дождя не предвещали.

Тем не менее все были одеты во всепогодные «сталкеры» и могли не беспокоиться о смене погоды. «Сталкеры», сшитые из трёх слоёв разной ткани и покрытые водоотталкивающей плёнкой «нановелюр», не боялись дождя, были удобны, легки и обладали множеством карманчиков и приспособлений, необходимых для любых спецработ в походных и даже экстремальных условиях.

Карапетян никогда раньше не носил такие костюмы и первое время чувствовал себя в своём «сталкере» стеснённо. Сергей Макарович на своём веку примерил не один десяток боевых и специальных экипировок и к жалобам физика на «твёрдые коленки» относился философски, заявив на аэродроме:

– Если хочешь, лети в своём кабинетном мундире и в плаще, резиновые сапоги мы тебе найдём.

Подумав, Егор Леонович отказался от сапог.

Огляделись.

В полусотне метров от дороги начинался смешанный лес.

По сравнению с великанским лесом «потустороннего мира» другой браны (Сергей Макарович уже начинал привыкать к терминологии приятеля) он казался жалким и декоративным.

Деревни видно не было, лесные заросли скрывали её дома.

Плащинин на дороге разговаривал с каким-то мужчиной лет пятидесяти, одетым в пятнистый костюм военного образца. Это был местный егерь, найденный службой поддержки ГРУ по своим каналам. Поговорив, оба подошли к вертолёту.

– Знакомьтесь, Павел Митрофанович, наш проводник. Павел, это Сергей Макарович и Егор Леонович, мои помощники.

– Очень приятно, – хрипловатым баском сказал егерь, не решаясь подать руку, и Сергей Макарович первым подал свою.

Проводник посмотрел, как из чрева Ми-26 по пандусу спускается вездеход.

– Вы хотите на этой машине ехать?

– Это багги, – сказал Плащинин. – Машина подготовлена для работы в любых условиях.

Павел Митрофанович с сомнением покачал головой.

– Боюсь, до поляны мы на ней всё равно не доберёмся. Места тут дикие, кругом болота.

– Попробуем. Выбора у нас нет. Не доедем, будем решать, что делать дальше. Надеюсь, дорогу вы хорошо знаете.

Егерь показал короткую снисходительную усмешку.

– Я тут родился, везде бывал. До поляны я вас доведу, главное потом выбраться обратно.

– Не понял?

– То место не зря назвали «ведьминой поляной». В нечистую силу я не верю, но что-то тут живёт нехорошее, сбивает людей с панталыку. Многие плутали по нескольку дней, а кто-то и пропал без вести.

– Мы не заплутаем, – сказал Сергей Макарович. – У нас есть выход на спутник.

– Ну, разве что.

– А призраков над поляной видели? – жадно спросил Карапетян.

Проводник посмотрел на него с прежним сомнением.

– Я не видел. Люди видели, я двоих знаю.

– Расскажите...

– Потом поговорите, – сказал Плащинин. – Работаем.

Выгрузка транспорта и багажа длилась около часа. В начале двенадцатого колонна багги с мотоциклом во главе была готова к походу.

Плащинин сел на мотоцикл, усадив за собой проводника.

– С богом, товарищи! Посмотрим, примет нас «ведьмина поляна» или нет.

Тронулись в путь.

С километр ехали по грунтовой дороге, петлявшей по лесу, обходящей колдобины и низины, потом свернули в лес по заметной тропинке, и скорость движения сразу упала. Началась тряска: колёса вездеходов то и дело переезжали выступавшие из почвы корни деревьев, машины с трудом протискивались между замшелыми пнями, мощными соснами и зарослями орешника, объезжая обрывчики и кочки.

Проехали низину, уходившую справа в мшистое болото. Застряли между полусгнившим стволом упавшей ели и бугром, заросшим кустарником. Но всё-таки нашли обходной путь, минуя край ещё одного болота.

Багги действительно показывали класс, проходя одно препятствие за другим, хотя моторы машин напрягались изо всех сил. Мотоциклу на воздушной подушке в этом плане было легче, потому что ему не приходилось скакать по корням и кочкам, но и он иногда сворачивал с тропинки, вскоре растворившейся в зарослях. Как в них ориентировался проводник, находя одному ему знакомые приметы, было удивительно.

Остановились только один раз, так как путь преградил завал из упавших деревьев.

Егерь слез с мотоцикла, задумчиво обследовал завал, сдвинул кепи, почесал затылок.

– Лесник меня не предупредил, однако.

– А что, у вас тут и лесник имеется? – спросил Сергей Макарович.

– Появился один, совсем молодой. Вроде бы в райцентре начали восстанавливать лесное хозяйство. Да теперь восстановить разрушенное будет сложно, нужны огромные ресурсы.

Раньше такого не было, при советах, порядок был, лес чистили регулярно. А сейчас куда ни пойдешь, одни буреломы да падалицы лежат, не пролезешь.

– Мы пройдем?

– Придется искать сворот.

Через полчаса двинулись дальше, сделав изрядный крюк, чтобы обойти завал и густые заросли.

Комаров и мошек в это время года уже не было, птичьи голоса раздавались редко, листва с деревьев слетела, и пейзаж вокруг потерял значительную часть красоты и притягательности. Сергей Макарович, едущий в головном вездеходе рядом с Карапетяном, поймал себя на мысли, что он с удовольствием проехался бы по великаньему лесу «потустороннего мира», где остались бойцы группы Реброва. Сердце защемило. Узнать, что происходит в соседней бране, не было никакой возможности. Лишь одна надежда согревала душу – на светлый ум Егора Леоновича и правильность его идей. Надо было во что бы то ни стало найти проход в соседнюю вселенную-иномериану, если только она существовала реально.

Наконец, колонна уткнулась в такие заросли, что обойти их не представлялось возможным. С обеих сторон тропинки (видно было, что здесь ходили люди) появились болотистые низины, из которых торчал сухостой, поэтому объехать их было негде.

– Далеко ещё? – спросил Плащинин, слезая с седла.

– Не больше сотни метров, – ответил проводник.

– Это единственная дорога?

– Если это можно назвать дорогой, – хмыкнул Сергей Макарович, подходя к мотоциклу.

– Проехать не удастся, так?

– Почему? – Проводник сдвинул пятнистое кепи на затылок. – Можно прорубиться по краешку, но потребуется немало времени.

– Что думаешь? – посмотрел на Савельева Плащинин.

– Прорубимся, – сказал Сергей Макарович. – Слишком много набрали аппаратуры, плюс палатки и всё прочее. Двое суток будем таскать.

– Мы взяли только самое необходимое, – обиделся Карапетян. – Ещё, может быть, придется запрашивать из Москвы лептонгер.

– Что?

– Электронный ускоритель.

– Это каким чудом мы его сюда притащим?

– Он маленький, не больше колеса вездехода.

– Что ж сразу не позаботился?

– Понял, пока летели.

– Ладно, – кивнул Плащинин. – Я поеду вперёд, посмотрю на поляну, а вы начинайте расчистку тропы.

– Я с вами, – сказал Сергей Макарович.

– Не поместимся.

– Я пойду пешком, вы за мной, – предложил проводник.

Плащинин поколебался, но возражать не стал.

– Хорошо, поехали.

– А я? – жалобно проговорил Карапетян.

– Ещё сто раз успеете, Егор Леонович, мы только на разведку, чтобы убедиться в существовании поляны.

Сергей Макарович жестом отдал распоряжение своим помощникам присоединиться к остальным членам отряда и сел позади генерала.

Проводник направился вперёд, выбирая дорогу.

Оставшиеся сто метров до поляны они преодолели за четверть часа.

Мотоцикл выполз на край довольно большого лога, свободного от крупных деревьев, но заросшего густой травой по пояс, тростником и кустарником. Остановившийся в метре от опушки леса проводник оглянулся, снял кепи, взопрев от напряжения, вытер им красное лицо.

– Дальше я не ходок.

Подожли Плащинин, доставший бинокль, и Сергей Макарович.

– Ничего особенного, обыкновенная поляна, – сказал начальник отряда, ворочая окулярами.

Проводник усмехнулся.

– Похоже, нам повезло.

– В каком смысле?

– Здешний лес редко пропускает людей без происшествий. Сам не раз в ямы проваливался или кругами ходил.

– Мистика.

– Может, и мистика, только очень уж реальная.

– Светящиеся струи над поляной видели? – не отреагировал Плащинин на слова Павла Митрофановича.

– Про струи не знаю, а призраков на поляне видели.

– Призраков? Умерших людей, что ли?

– А бог их знает, мёртвых или живых. Лично я не встречал, однако верю, что было.

Плащинин опустил бинокль, посмотрел на Савельева, и Сергей Макарович вдруг отчётливо осознал, что ничего они тут не найдут.

Бедный Егор, подумал он о Карапетяне.

Глава 5. Шмели и бабочки

Делиться своими снами с мужчинами Максим не стал, но Веронике пришлось рассказать о последнем, так как он обещал ей раскрыть подробности.

– Костя называет такие сны метаконтактом, – задумчиво проговорила девушка, перестав хлопотать у костра; наступил вечер, и они готовились ужинать.

– Можно назвать и так, – отозвался Максим, возившийся с грибами; на сей раз решили сделать настоящую жарёнку, благо во взорванной ракете нашлось плоское металлическое блюдо, приспособленное под сковороду.

– Как ни назови, но ты всё-таки экстрасенс, – улыбнулась Вероника. – Никто из нас не видит таких снов, только ты.

– Обыкновенная интуиция, – отмахнулся он.

– Необыкновенная, у человека должна быть генетическая предрасположенность к такому контакту. У нас её нет, у тебя имеется. Может, твои дальние предки симбиотировали с лесом.

– Как обезьяны? – прищурился он.

– Не ёрничай, наши прапрадеды действительно жили в согласии с природой и лесом и научились его понимать. Возможно даже, это умение отложилось и в геноме человека.

– Красиво говоришь, товарищ археолог. Термин «симбиотировали» меня вообще сразил.

Вероника шутливо начала душить Максима, и кончилось это затяжным поцелуем.

– Не отвлекайся, – сказал он с напускной строгостью.

– Слушаюсь, командир! – кинула Вероника руку к виску. – Кстати, слово «симбиотировали» не моё изобретение.

– Костино?

– Нет, услышала на симпозиуме в Питере в прошлом году. А о наших предках не раз говорил мой шеф Вениамин Витальевич: он не только археолог, но и знаменитый историк, специалист по славянской истории, берущей начало в Гиперборее. С ним было интересно.

Максим вспомнил вечно озабоченного профессора Маркина, которого удалось переправить на «большую землю» вместе с другими уцелевшими членами экспедиции ЮНЕСКО. Учёный не меньше чем Редошкин невзлюбил Костю и нередко ворчал о «безответственности молодого поколения», не одобряя манеру поведения ботаника. Впрочем, характер Константина не приветствовал и Максим.

– Эх, маслица не хватает, – сказал он. – Надо попросить Костю найти нам замену. Нарезь перчик?

Вероника с готовностью бросилась выполнять просьбу.

«Перчиком» они называли синие и фиолетовые плоды неизвестного растения, названного Костей капсикором. Эти угловатые коробочки размером с ладонь взрослого человека действительно вкусом напоминали горьковатый болгарский перец, лук и хрен одновременно и заменяли землянам привычные овощи. Вместе с грибами они составляли отличный вкусовой букет.

Максим помешал грибы двузубой вилкой.

Выяснить, какую функцию эти найденные в ракете предметы выполняли для её экипажа, не удалось, но в качестве вилок они вполне годились, и можно было не искать более удобную утварь.

Рука девушки, ссыпавшей нарезанный «перчик» на «сковороду», коснулась руки майора. Она застыла на мгновение, смутилась, встретив его взгляд, но руку не отдернула. Он сжал её пальцы, коснулся их губами, и лицо Вероники наполнилось светом.

– Макс...

Он прижал палец к губам.

– Т-с-с!

Она невольно оглянулась и увидела, как из-за вершин ближайших деревьев скользит, опускаясь к лагерю, аэробайк с двумя пассажирами.

Максим отправил Редошкина к лагерю боевиков, чтобы проверить, не появлялись ли над ним земные летательные аппараты, дроны или вертолёт, но Костя увязался за сержантом, и час назад они улетели.

Об отношениях Максима и Вероники ботаник не догадывался, в отличие от Редошкина, и майор не намеревался их афишировать, хотя ничего предосудительного в этом не было. Нельзя сказать, что он потерял от племянницы президента голову, но жизни без неё уже не представлял.

Аэробайк спикировал к поляне с костром.

Редошкин управлял им как заправский автогонщик – ему нравилось лихо маневрировать в воздухе, и, похоже, пассажир за его спиной испытывал не менее позитивные эмоции.

– А мы нашли синелистник! – объявил Костя, соскакивая с седла.

– Что вы нашли? – удивилась Вероника.

Редошкин покрутил пальцем у виска, скрылся на тропинке к «хитрому домику».

– Есть такой вид инвазивных растений. – Костя подскочил к костру, затрепетавшими ноздрями принюхиваясь к аромату жареных грибов. – Ух, как вкусно пахнет! Что тебе шашлык!

– Объясни.

– На Гавайских островах растёт синелистник великолепный – полукустарник родом из американских тропиков. Его во всём мире разводят в качестве живого украшения. Но в Полинезии он стал настоящим сорняком, бичом всей флоры, заполонив чуть ли не все острова. Я был на Гавайях, видел – сплошная сине-зелёная стена, фиг пролезешь. Здесь он тоже растёт: мы летели зигзагами и прошли над зарослями синелистника. Самое интересное, что он выше гавайского раз в десять и гуще, хотя листья такие же по форме. И весь этот синелистный островок диаметром метров под двести окружён «манграми», аж двумя цепями. Что, кстати, является ещё одним подтверждением моей теории локальной защиты. Местные мангры и баобабы на самом деле являются плантоидами, задача которых защищать лес от паразитической флоры.

– Сел на своего конька, – проворчал Максим.

– А что я сказал? Имею полное право на гипотезу.

Вернулся Редошкин, покачал головой в ответ на вопросительный взгляд Максима.

– Ничего.

Он имел в виду, что никаких следов выхода беспилотников над лагерем боевиков обнаружено не было. Неделю назад они внезапно появились в небе над лагерем, посланные, как оказалось, специалистами ГРУ, каким-то образом нашедшими выход с Земли в мир Заповедника, была организована спасательная экспедиция, и вертолёт под управлением непосредственного командира Максима полковника Савельева забрал домой двенадцать человек экспедиции ЮНЕСКО. Но обратно он не прилетел, и хотя надежда на возвращение спасателей ещё тлела в душе Реброва, с каждым днём она становилась всё призрачней и призрачней. Вероятнее всего, тоннель, соединивший Землю в районе африканского Баира с Заповедником, прекратил существование. Оставшиеся в лесу могли застрять в нём надолго, если не навсегда.

– Африканца не видели? – поинтересовался Максим, скрывая разочарование.

– Нет.

– Видели косуль, – сказал Костя. – И бабочек. Они тут кругами над нашим болотом болтаются, штук пятьсот, наверно.

– Охраняют, – фыркнула покрасневшая Вероника.

– Очень может быть.

– А шмелей? – спросил Максим.

– Не встречали, – пробурчал Редошкин, поглядывая то на девушку, то на командира. – Помочь, Верочка?

– Мы уже всё приготовили.

Максим спросил о появлении шмелей не зря. Утром один из этих полосатых шестилапых и четырёхкрылых созданий упал на Веронику, когда она умывалась, но был разрублен Максимом надвое. Больше шмели в округе новой базы переселенцев не появлялись, однако Максим не сомневался, что посланцы чёрного леса вскоре проявят к ним свой интерес.

– Надо готовиться к встрече, – сказал он.

– Из ПЗРК по ним стрелять бесполезно, – понял мысль командира Редошкин. – Да и «фаустпатроны» тратить жалко. Нам бы огнемётом обзавестись.

– У леса попросите, – развеселился Костя. – Больше не у кого. Кстати, почему бы не использовать солярку из катера? Можно факелы сделать и отмахиваться.

Максим и Редошкин переглянулись.

– Устами младенца... – проговорил сержант.

Максим пошевелил бровями.

– Надо подумать, как сделать простенький огнемёт из подручных средств.

– Подумаем.

– Прощу к столу, – объявила Вероника.

Стол у них был. Мужчины вбили в землю четыре сухих корня, сделали каркас, накрыли сверху слоем жердей, и получился неказистый, но практичный стол. Сделали и табуреточки, использовав сухие ветки и «доски» корней засохшего могучего «фикуса», найденного неподалёку на берегу реки. Поэтому словосочетание «сесть за стол» отвечало процессу вполне.

– Хлебушка бы... – сморщился Редошкин.

– У нас ещё остался сухарь, – с готовностью предложила Вероника.

– Настоящего хочется, свежего.

– Найдём хлебное дерево – будет у вас хлеб, – пообещал Костя, уплетая жареные грибы за обе щеки.

– Откуда здесь хлебные деревья?

– Раз есть ягоды, похожие на земные, и целый арсенал пальм, то вполне могут быть и остальные породы деревьев. Я уверен, мы ещё и бананы найдём, и ананасы, и какой-нибудь дуриан. – Костя издал смешок.

– Дуриан сам ешь.

– А что? Очень даже вкусный плод, только пахнет...

– Как выгребная яма.

– Подумаешь, зато вкусно и полезно. Ещё убедитесь, что я прав. Мы не исследовали и миллионной доли территории леса. Жаль, что у нас только один аэробайк.

– Вот именно, мы и так эксплуатируем его нещадно. Не знаю, на каком топливе он летает, но любое топливо имеет свойство заканчиваться.

– Он антигравитационный.

– Какая разница? Пусть антигравитационный, но его аккумуляторы тоже не вечны. В один прекрасный день они сдохнут, и байк придётся бросить.

– Это ещё когда случится.

– Да в любой момент. Хорошо, если он предупредит нас об этом заранее, чтобы мы успели приземлиться. Не то грохнемся ещё с высоты в пару километров. Я правильно рассуждаю, командир?

Максим кивнул, наливая себе компот. Он и сам не раз задумывался о конечности ресурса аккумуляторов аэробайка, но был готов к тому, что остановка двигателя может случиться в любой миг. Вряд ли это произойдёт внезапно, так как аппарат такого уровня должен был обладать хоть какой-то простенькой системой сигнализации, но перспектива возвращаться к лагерю

пешком, в особенности если аккумуляторы разрядятся в десятках километров от поселения, была реальна.

– Надо найти зарядное устройство, – сказал раздумавшийся от еды Костя, отодвигаясь от стола. – В ракете наверняка оно было. В крайнем случае можно поискать запасные аккумуляторы.

От ракеты бешбармак остался, – возразил Редошкин.

– А вдруг что-то уцелело?

Сержант посмотрел на Максима.

– Костя прав, – сказал майор. – Надо будет разобраться в конструкции аэробайка, найти аккумуляторы, чтобы ознакомиться с их формой, слетать к ракете и поискать уцелевшие.

– Нет там ничего целого, мы смотрели.

– Не найдём, тогда и прикинем свои транспортные возможности. Но мотаться по лесу ради его изучения пока повременим. У нас есть более насущные задачи.

– Сбор грибов, – съязвил Костя.

– Захочешь есть, будешь собирать всё, что съедобно, в том числе и грибы.

– Грохнули бы одну косулю, на месяц мяса хватило бы.

– Оставь свои дурацкие замашки! – сердито проговорила Вероника. – Сказано уже: никаких охот устраивать не будем! Переходи на растительную пищу, это полезно, дольше проживёшь.

– Вечно везде побеждает тот, кто сильнее, а не тот, кто умнее, – сказал Костя с кривой ухмылкой. – Тренд однако.

– Ну, насчёт полезности вегетарианской пищи можно поспорить, – сказал Редошкин, не обратив внимания на колкость, также заканчивая ужин компотом. – У нас в генетике заложено есть конкурентов, мясоеды мы, и без животного белка организм слабеет.

– Вот! – вскинул вверх палец Костя. – Веганы намного менее креативны, чем мясоеды!

– И это спорно, – отрезал Редошкин. – Человечество состоит не из одних мясоедов, общего предка у него не было. Я читал, что мы – потомки разных видов высокоразвитых существ, которые когда-то населяли Землю. Существует теория, что мы созданы представителями внеземных цивилизаций. Они смешивали свои собственные ДНК с клетками живущих на нашей планете приматов, что и привело к возникновению всех земных рас. Дарвиновская теория в этом ракурсе отдыхает.

Костя раскрыл рот, глядя на Редошкина как на фокусника, поразившего его ловкостью рук. Удивлённый взгляд ботаника говорил, что он не ожидал от сержанта таких интеллектуальных рассуждений.

Максим усмехнулся в душе. Жора Редошкин заканчивал МГУ, по образованию он был востоковед и африканист, а в спецназ ГРУ попал вследствие своих специфических навыков мастера по выживанию в экстремальных условиях. Эти навыки привил ему с детства отец, инструктор Школы адекватного реагирования при Генштабе Министерства обороны. Но думать Редошкин умел.

– Ну вы даёте! – пришел в себя Костя. – Я знаком с дарвиновской теорией происхождения видов, хотя и не поддерживаю её. Кстати, существует прогноз какого-то забугорного агентства о том, что к 2036 году в обиход войдёт искусственное мясо и убивать животных в массовых количествах перестанет быть необходимостью. Останутся лишь охотники, для которых в кайф будет не потребление мяса, а процесс охоты.

– Тут ты прав, – согласился Редошкин. – Любителей пострелять братьев наших с вертолётки полно.

– А вы разве не из той пор... – Костя споткнулся, потом исправился, – не охотник?

– Нет, – усмехнулся Редошкин. – Мясоед, как и все мои родичи, всю жизнь проживающие в деревне и имеющие своих свиней, коров и кур, но не охотник.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.